

Социальная антропология сексуальности

Гарбузов Д. В.

доктор философских наук

*Волжский гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»
(Волжский, Россия)*

1. Универсальный эквивалент и трансцендентальное. Капитализм, как известно, представляет собой нечто большее, чем просто систему экономических отношений. Это, прежде всего, особый способ организации символического обмена, воплощенный во множестве разнообразных форм [2; 3]. В применении к социуму эта система сложилась в европейской культуре в эпоху Нового Времени. В частности, это произошло как результат гласного и негласного, целенаправленного и неосознанного договора, консенсуса, конвенции, смысл которой заключается в признании наличия в бытии человека универсального эквивалента, т.е. такого онтологического артефакта, на который можно обменять все, что входит в сферу жизненного мира человека. Воплощением, материализацией такого универсального эквивалента в рыночном капитализме становятся деньги. При этом нужно понимать, что сами по себе деньги вторичны, производны. Они всего лишь фиксируют наличие и признание идеального по своей природе принципа универсальной эквивалентности. Социумы, основанные на универсальном эквиваленте, неизбежно теряют трансцендентальный, т.е. находящийся на пределе, метафизический порядок вещей, поскольку вещь, находящаяся на пределе, неэквивалентна и не подлежит обмену, ее просто невозможно оценить в универсальных, общих для всех единицах измерения. Такая ситуация продуцирует поверхностность, глянецовость, визуальность и теряет «серьезные» эпический и трагический форматы. Это хорошо объясняет современную ситуацию в области культуры и искусства.

2. Деньги и сакральное. Власть (насилие) конституируется, осуществляется постулированием запретов, концентрируется вокруг системы табу. Они маркируют область тайного, фундаментального, интимного, ужасающего, опасного. В традиционных обществах такими сакральными областями были умершие предки, сверхъестественные существа, тело женщины, осуществляющее функцию репродукции. Очевидно, что в современных *постмодернизированных* обществах все эти сущности утратили сакральность. Единственная оставшаяся сфера сакрального, чье бытие вызывает желание обладать им, и чье отсутствие пугает – это деньги. Таким образом, деньги в качестве воплощения универсального эквивалента в системе капиталистической экономики, являются одновременно и ее единственной трансцендентальной сакральной сущностью. Это достаточно парадоксальный феномен, поскольку главной функцией универсального эквивалента как раз и является устранение любых трансцендентальных сакральных субстанций, что и делает возможным универсальный эквивалентный обмен всего на все. Тем не менее, генеалогия этого парадокса вполне понятна. Деньги – это субстанция, на которую в системе капитализма обменивается все остальное, весь универсум человеческого бытия, но при этом она сама, в своей собственной сущности, природе выведена из системы обмена, поскольку воплощает в буквальном смысле ничто, пустоту и именно благодаря этому отсутствию собственных качеств, способна играть роль универсального эквивалента. Деньги и то, что на (посредством) них обменивается – это две половины бинарного кода 0 и 1, которым генерируется и записывается виртуальная реальность символического обмена системы капитализма. Поэтому реальной властью в капиталистическом социуме обладают группы и институты, осуществляющие номинацию и индексацию денег. Именно они составляют реальную Церковь капитализма, его религиозный Орден, поскольку только они имеют дело с единственно сохранившейся сферой сакральной реальности.

3. Фетишизация секса и институциональная логика социального функционирования системы капитализма. Витальным, психосоматическим инобытием денег в системе символического обмена капитализма является *секс*. Как известно, в популярной массовой культуре деньги – это сексуально, деньги – это love. Причина этого вполне понятна – и структурно и содержательно секс это витальный, поведенческий, средовой аналог денег. Секс – это субстанция, в которую помещаются все компоненты жизненного мира человека, чтобы сделать их доступными для символического обмена. Поэтому секс это слишком серьезно, чтобы оставлять его на произвол желаний отдельных людей. Секс – это маркетинговая стратегия продвижения товаров на рынок, инструмент убеждения, внушения потребителям, что эти товары им нужны. Если бы не было «секса», то современная экономика обрушилась бы, ряд отраслей умерли бы мгновенно. Это объясняет, кстати, почему в СССР, то есть социуме, основанном на неэквивалентной модели символического обмена, «секса» действительно не было. И наоборот, сама модель капиталистического социума требует максимально полной свободы обращения и конвертации секса. Его ограничение рамками гетерозотической интеракции нарушает фундаментальный закон капитализма – принцип универсальной эквивалентности. Это равноценно ограничению обращения денег в системе рыночного обмена. Поэтому обеспечение свободы обращения сексуальных транзакций имеет статус категорического императива в капиталистической экономике. Таким образом, лишь на первый взгляд фетишизация секса в современных обществах имеет иррациональную природу и связана с инстинктивным бессознательным человеческой психофизики. А на самом деле, она выражает глубокую институциональную логику социального функционирования системы символического обмена, основанного на универсальном эквиваленте.

4. Конец истории как растворение в конъюнктурной актуальности вечно настоящего. Ж. Батай, анализируя творчество Бодлера [1. С. 171], помимо прочего делает пронзительный вывод, что капитализм в его классическом виде был сформирован тогда, когда человек европейского социума отказался от *заботы о сегодняшнем* моменте в пользу *заботы о завтрашнем дне*. В терминологии психоанализа это может быть описано как выбор между принципом реальности и принципом удовольствия. *Забота о сегодняшнем моменте* – это ориентация на получение наслаждения, неизменно приводящая в итоге к неудовлетворенности. В противоположность этому *забота о завтрашнем дне* – это не столько ориентация на конечный предметный результат, сколько на саму активность поведения, открывающую перспективы будущего, что в итоге приводит к удовлетворению. Таким образом, классический капитализм – это путь самоограничения сейчас для достижения реальных целей потом и отказ от иллюзорного удовлетворения виртуальных, фантазматических предметов влечения. В противоположность этому, современная докризисная (2008) посткапиталистическая экономика создала парадоксальную ситуацию. Она нашла волшебный способ избежать неприятностей самоограничения. С помощью тотального безудержного кредитования она заставила заботу о завтрашнем дне (труд) служить заботе о сиюминутном моменте (наслаждение). Капиталистическое накопление основано на примате будущего, но современный капитализм поддался искушению сиюминутного наслаждения и сделал будущее его заложником. Будущим пожертвовали ради сиюминутного, конъюнктурного, но замаскировали это виртуальным двойником (симулякром) будущего (в форме кредита). Будущее – это виртуальный мир кредитного финансирования, в который катапультировали наши сегодняшние долги. В этом смысле современный Запад подобен молодому принцу Гаутаме, весьма сомнительным образом избавленному от опасностей реального мира. Не зря там так популярен буддизм. Настоящее – это реальный мир наслаждения. Но возможен он только благодаря сакральной жертве будущего. Однако однажды будущее все-таки наступает и принцу Гаутаме не избежать прозрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батай, Ж. Литература и Зло // Батай. Ж. Теория религии. Литература и Зло. – Мн.: Современный литератор, 2000.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: "Добросвет", 2000.
3. Долгин, А.Б. Экономика символического обмена // А.Б. Долгин. – М.: Инфра-М, 2006.